

Стручков Кирилл Намсараевич

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ КАЛАРСКИХ ЭВЕНКОВ

В статье рассматриваются процессы адаптации монгольских лексических заимствований в каларском говоре эвенкийского языка, заимствованных в результате исторических контактов эвенков с монгольскими народами, их семантическая освоенность и концептуализация. Особое внимание в статье уделяется лексико-семантической группе, связанной с охотой, в которую вошло наименьшее количество монголизмов. В некоторых случаях несколько изменилась и семантика заимствованных слов. Анализ в данной статье проводится в социолингвистическом аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 177-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Богородицкий В. А.** Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. Н. К. Дмитриева. Казань, 1953. 220 с.
4. **Богородицкий В. А.** Лекции по общему языковедению. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 312 с.
5. **Богородицкий В. А.** О преподавании русской грамматики в татарской школе (1883, 1885) // Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань: Татиздат, 1933. С. 119-137.
6. **Богородицкий В. А.** Общий курс русской грамматики (Изъ университетскихъ чтеній). Изд-е 4-е, доп. Казань: Типо-литография Императорскаго Университета, 1913. VI+552+1 с.; 5 л. ил.
7. **Богородицкий В. А.** Психология поэтического творчества въ соотношении съ научнымъ // Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку: пособие при изученіи науки о языкѣ. Изд-е 3-е, пересмотр. и испр. Казань: Типо-литография Императорскаго Университета, 1910. С. 314-335.
8. **Катков М. Н.** Об элементах и формах славянорусского языка. М.: Типография Московскаго университета, 1845. 253 с.
9. **Ломоносовъ М. В.** Россійская грамматика. СПб.: Типография Императорской Академіи наукъ, 1755. 213 с.
10. **Ратнер Ф. Л.** Система конкурсных отборов на должность в Императорском Казанском университете // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 4. Вып. 3. С. 245-248.
11. **Сизых О. В.** Мотивная структура рассказа А. А. Кабакова «Странник» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. Вып. № 3. С. 132-135.
12. **Скрипник А. В.** Проблема сохранения национального колорита в малороссийских песнях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 251-256.
13. **Ellis N.** Frequency Effects in Language Processing: A Review with Implications for Theories of Implicit and Explicit Language Acquisition // Studies in Second Language Acquisition. 2002. Vol. 24. Issue 02. P. 143-188.
14. **Fuciji M.** Compound Nouns in the Language of English Newspapers // Conferința științifică de totalizare a activității de cercetare a cadrelor didactice (20 aprilie 2007). Secția Istorie și Limbi Moderne / coord. ed.: Cornea Sergiu. Cahul: Universitatea de Stat «Bogdan Petriceicu Hasdeu», 2007. P. 123-128.
15. **Nida E. A.** Theories of Translation // Pliegos de Yuste. 2006. № 4 (1). P. 11-14.

FUNCTIONAL NATURE OF THE TRANSLATION METHOD IN V. A. BOGORODITSKY'S LINGUISTIC CONCEPTION

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University of Economics and Law (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The article examines translation techniques in relation to V. A. Bogoroditsky's linguistic conception. The analysis of the components of his grammatical system indicated the importance of translation method in grammar. Relying on the scientist's works the author shows the relevance of this principle in foreign language teaching. Considering the equivalence principle is of special importance while translating terms. The importance of translation method represented in V. A. Bogoroditsky's theory manifests itself while comparing the texts of different stylistic orientation, the examples of special literature and fiction.

Key words and phrases: language; principle of translation; pronunciation; writing; simplification; style; literary work; method.

УДК 811.512.212'373

В статье рассматриваются процессы адаптации монгольских лексических заимствований в каларском говоре эвенкийского языка, заимствованных в результате исторических контактов эвенков с монгольскими народами, их семантическая освоенность и концептуализация. Особое внимание в статье уделяется лексико-семантической группе, связанной с охотой, в которую вошло наименьшее количество монголизмов. В некоторых случаях несколько изменилась и семантика заимствованных слов. Анализ в данной статье проводится в социолингвистическом аспекте.

Ключевые слова и фразы: эвенкийский язык; говор; лексика; лексико-семантическая группа; охотничья лексика; монгольские заимствования.

Стручков Кирилл Намсараевич, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
kstruchkov@mail.ru

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ КАЛАРСКИХ ЭВЕНКОВ

Эвенки среди других коренных народов Северной Азии занимают особое место. По данным переписи 2010 г., в России их насчитывается всего около 38 396 чел. Традиционная зона их расселения занимает обширную территорию, простирающуюся от левобережья р. Енисей на западе, Охотского моря и Заполярной тундры на севере и до бассейна р. Амур на востоке.

Эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Многочисленные наречия и говоры эвенкийского языка, количество которых, по мнению тунгусоведов, составляет примерно 50, объединяются в три наречия – южное, северное и восточное [8, с. 45-54]. Предметом исследования в данной статье явились лексические заимствования монгольского происхождения и их функционирование в каларском

говоре восточного наречия эвенкийского языка. Г. М. Василевич отмечает, что он имеет незначительные фонетические и лексические отличия от непского диалекта, положенного в основу литературного языка, и предполагает, что непский, возможно и был одной из баз образования каларского говора [3].

Известно, что лексика любого языка представляет собой наиболее подвижный уровень языковой системы, в наибольшей степени проницаемый для интерференции, эвенкийский язык в этом плане не является исключением. Проблема языковых контактов, вопрос влияния одного языка на другой актуальны и особенно важны применительно к исчезающим языкам, к которым относят и эвенкийский язык. В целях сохранения и возрождения необходимо зафиксировать то, что еще поддается фиксации. В работе использованы полевые материалы, собранные автором во время экспедиционной поездки в Каларский район Забайкальского края.

Традиционное название эвенков – тунгусы, однако в советский период с 1931 г. тунгусов официально стали называть под их самоназванием: эвенки и эвены. Предполагаемым центром формирования эвенкийского этноса была территория Забайкалья, из которого позже шло распространение этих групп в районы Прибайкалья и Приамурья в конце I – начале II тыс. н.э. Уже к XII в. эвенки освоили огромные территории, включающие в себя горно-таежные и тундровые ландшафты от Енисея до Охотского моря, от Ангары и Амура до истоков Яны и Индигирки и устьев рек Оленека и Лены. Толчком для такой миграции была экспансия со стороны чжурчженей, которые в 1125 г. начали подчинять до этого независимые племена таежных охотников. Подобные переселения привели к тому, что южные тунгусы, обогнув оз. Байкал, вышли в Приангарье, а северные направились в сторону Верхоянского хребта в XIV в. [4]. Одним из основных направлений тунгусской миграции стал север Забайкалья и территория современной Якутии, где эвенки расселились по долинам Вилюя, прилегающей части рек Лены и Алдана. К приходу русских первопроходцев в XVII в. на север Забайкалья эвенки соседствовали с якутами, проживающими в нижнем течении Вилюя, Амги и Алдана, на юге – с бурятами, заселившими районы южного Прибайкалья и Забайкалья.

В результате миграции и межкультурных контактов часть эвенков, проживающих в лесостепных и степных ландшафтах юга Забайкалья и Монголии, перешла к коневодству, полностью сменив хозяйственный и культурный уклад. Эвенки же забайкальского Севера сохранили преимущественно охотничий хозяйственно-экономический уклад [7, с. 706].

Изучение диалектной лексики эвенкийского языка всегда актуально. В условиях двуязычия (трехязычия) при интенсивном влиянии русского и бурятского языков происходит утрата родного языка, и поэтому очень важно фиксировать существующий языковой материал. Описание отдельных тематических и лексико-семантических групп в языках различных семей и групп представляет собой очень важный материал для теоретических исследований, для идеографического описания лексики как в плане выработки формального аппарата, так и в плане состава конкретных языков.

Анализ состава лексики каларских эвенков позволяет выделить в ней несколько слоев самого различного происхождения. Основную часть словарного состава каларского говора составляет лексика, генетически общая со словами других языков тунгусо-маньчжурской семьи. Наиболее древние слова обозначают явления природы, некоторых животных и растений, части тела, орудия охоты, различные действия и отвлеченные понятия. Значительную часть составляют иноязычные заимствования, попавшие в язык в разные исторические периоды в результате длительных экономических и культурных связей с соседними народами. В последнее время учёные-лингвисты отмечают необходимость изучения процесса заимствования с социолингвистической точки зрения, так как иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, на котором перекрещиваются самые различные социальные оценки. Исследование лишь лингвистической стороны внедрения иноязычного слова в систему языка-реципиента оказывается недостаточным для выяснения полной картины заимствования. «И лишь учёт широкого спектра разнообразных факторов, существенных для процесса заимствования, может способствовать такому выяснению» [6, с. 147]. Взаимодействие иноязычного слова с языковой системой эвенкийского языка и средой функционирования сказывалось на его семантических трансформациях и влияло на словообразовательные процессы, что вполне естественно, так как среда функционирования заимствованного слова – это инокультурная для него среда. Как показывают результаты научных исследований, семантическое освоение иноязычных элементов может быть нулевым, может иметь низкую и среднюю степени освоения. Многие из этих слов уже давно слились с эвенкийской лексикой и сейчас не воспринимаются как иноязычные, прошли фонетическое и семантическое изменения. Адаптация заимствованных слов является основным признаком, отличающим заимствования от иностранных слов в языке, сохраняющих фонетические, грамматические, семантические и орфографические особенности.

В лексике тунгусо-маньчжурских языков, например, в маньчжурском и солонском языках (Внутренняя Монголия КНР), в некоторых говорах южного и восточного наречий эвенкийского языка (баргузинском, верхнеленском, витимо-нерчинском и др.) можно сравнительно легко распознать монгольские заимствования, которые проникли в разные исторические периоды. Исследователи отмечают, что особенно заметны заимствования в производственной лексике, связанной с наименованиями домашних животных по их масти, орудий и средств ухода за скотом, наименования молочных продуктов, т.е. лексике, связанной со скотоводством [1, с. 489-493]. Более древние заимствования отмечаются в наименованиях некоторых домашних животных: *унукан* «жеребенок», *дакан* «жеребенок до 1 года», *дирэ* «иноходец», *конин* «овца», *имаган* «коза» (домашняя) и др., в наименованиях домашних животных по масти: *бурул* «чалый», *дёрдэ* «рыжий», *кэргэ* «гнедой», *сиргэ* «соловый» и др.; в наименованиях упряжи и средств передвижения: *дилуга* «поводья», *дуруки* «стремья», *товог* «сбруя», *тэрге* «телега» и др.; в наименованиях молочных продуктов: *урак* «молозиво», *дэкуй* «саламат», *тохун* «масло», *эдэмуг* «простокваша» и др., т.е. лексическими монголизмами является

большинство наименований, связанные с уходом за скотом и использованием его в хозяйстве. Эти заимствования обусловлены этнокультурными контактами вышеназванных групп эвенков с монголоязычными на протяжении длительного исторического периода [2, с. 81-88].

Поздние заимствования в отдельных говорах восточного наречия эвенкийского языка отмечаются в сфере бытовой лексики, связанной с влиянием современного бурятского языка и его диалектов. Среди них: *бакси* «учитель», *увэй* отрицание «не», *анда* «друг», *байдя* «погоди, постой», *даваһун* «соль», *кирэ* «мера, время» и др.

Относительно много монгольских заимствований в сфере родственной терминологии: *кукин* «невестка», *курэкэн* «зять», *дэго* «внук, внучка», *уели* «кровный родственник» и др., которые свидетельствуют о межнациональных браках эвенков с бурятами. Очень мало заимствований в эвенкийском языке, по мнению тунгусоведов, слов, связанных с охотой [1; 2]. Их можно рассмотреть по группам:

1) наименования диких животных: *бэйһэ*, *бэюн* «хищный зверь» (< монг. *бэйһэ* «хищный зверь»); *багдака*, *бэюн* «дикий олень», *моты*, *төкй*, *кандага* (< бур. *хандагай* «лось»), *гивчон* ~ *гипчэн* «косуля», *дэвье* «кабарга», *бугу* «лось, лосиха», *буг*, *кумака* «изюбр», *сэмкур* «горный козел», *тукалагада* «кабан»;

2) наименования хищников: *уксукэ*, *этирку* «медведь», *гускэ-гуикэ*, *бэйсэн*, *соличй*, *чинукай* «волк», *дюкту*, *сёкалан* «рысь» (< монг. *дюкту* «рысь»), *дянтаки*, *мукэвки* «росомаха» (< монг. *мукэвки* «росомаха»), *сулаки* «лиса», *солоһго* «колонок, хорек» (< бур. *һолоһго* «колонок», х.-монг. *солоһго* «колонок»), *дёлэки* «горноста́й»;

3) наименования грызунов: *улуки*, *кэрэмун* «белка» (< х.-монг. *хэрэм*, *хэрмэн* «белка»), *умуки* «белка-летяга» (< монг. *умуки* «белка-летяга»), *гуран* «дикий козел» (< монг., бур. *гуран* «козел дикий»), *дюкун* «выдра» (< монг. *дюкун* «выдра»), *туксаки* «заяц», *эб* «тарбаган», *калун* «выдра» (< х.-монг. *халиун*), бур. *халиун* «выдра»);

4) наименования промысловых птиц: родовое наименование *дэги* «птица»; *садигэ* «сорока» (< х.-монг., бур. *шаазгай* «сорока»); *галав* «гусь», *нюпнякй* «гусь» (< х.-монг., бур. *һалун* «сорока»), *анни* «утка-чернеть», *аһир* «рябчик» (< як. *анды* ~ *анны* «черная утка, турпан» < п.-монг. *аппгир*, х.-монг., бур. *ангир* «турпан»); *каптал* «утка-каменушка», *чиркукичэн* «утка-чирок», *тáву* «галка; боровая дичь»; *бурбуки* «тетерев», *уркичэн* «тетерка», *хорокй* «глухарь», *хёлаки* «куропатка», *хинуки* «рябчик»;

5) наименования орудий охоты: *балта* «молоток» ср. бур. *балта* «молот»; *годигай* «название стрелы (детская игрушка)»; *тумнэй* «стрела», олани «лук-самострел», *пэктырэвун* «ружье», *хурка* «петля», *кото* «нож»;

6) наименования средств передвижения охотника: *сувсилла* «лыжи с подклеенным мехом», *толгокй* «нарта»;

7) наименования охотничьих построек: *балгахун* «летнее жилище, дом» (< бур. *балгаһан*), *отоккит* «жилище охотников».

В работе «Историко-сопоставительный анализ глагольной лексики в монгольском и маньчжурском языках» [9, с. 130-146] монгольский лингвист Б. Тувшингтос отмечает, что первое место по заимствованиям глагольной лексики занимает маньчжурский язык, а в эвенкийском и солонском языках фиксируется меньшее количество заимствований. Приведем некоторые из них: а) *кису* – «скоблить, скрести»; глаголы, группирующиеся вокруг понятия «стрелять»: *пэктырэ* – «стрелять», *ор* – «попасть в цель», *хуси* – «драться, биться»; б) глаголы, связанные со значением «добывать зверя»: *аса* – «гнаться, преследовать, гнать, загнать (зверя)».

В рассмотренных группах лексики основную часть составляют слова, известные большинству эвенкийских говоров, а также другим тунгусо-маньчжурским языкам. Часть лексики – некоторые наименования животных, названия орудий охоты – представляет собой диалектизмы и тем самым демонстрирует различия с лексикой подкаменно-тунгусских говоров, лежащих в основе литературного эвенкийского языка.

Таким образом, с точки зрения происхождения лексика каларского говора эвенкийского языка, связанная с охотой, является очень разнообразной и включает в себя как исконную лексику, так и заимствованную. Распределение монгольских заимствований по лексико-семантическим группам очень неравномерно. Наименьшее количество отмечается в лексике, связанной с охотой, они редки в наименованиях диких животных. С функциональной точки зрения основная часть охотничьей лексики принадлежит к общеупотребительной лексике. Лишь незначительное количество лексических элементов ограничено функционально в употреблении и встречается главным образом в речи лиц, занимающихся определенными профессиями. Как показывают результаты исследований с социолингвистической точки зрения, монгольские заимствования уже давно слились с эвенкийской лексикой и сейчас не воспринимаются как иноязычные, они уже перепели фонетические и семантические изменения и попали в эвенкийско-русские словари.

Список сокращений

Монг. – монгольский; бур. – бурятский; х.-монг. – халха-монгольский; п.-монг. – письменно-монгольский; як. – якутский; ср. – сравни; ср. бур. – сравни с бурятским.

Список литературы

1. **Афанасьева Е. Ф.** Монгольские заимствования в эвенкийском языке // Чингис-хан и судьбы народов Евразии: материалы междунар. конф. Улан-Удэ, БГУ, 2003. С. 489-493.
2. **Берелтуева Д. М.** Монгольские заимствования в производственной лексике баргузинских эвенков // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 81-88.
3. **Василевич Г. М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 352 с.
4. **Воробьев М. В.** Чжурчжены и государство Цзинь. Л.: Наука, 1972. 1254 с.
5. **Горцевская В. А.** Характеристика говора баргузинских эвенков. Л.: Учпедгиз, 1936. 101 с.

6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М.: Наука, 1996. С. 142-161.
7. Народы мира. Народы Сибири. М. – Л.: Наука, 1956. 1084 с.
8. Стручков К. Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования в Республике Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2009. 120 с.
9. Тувшингтос Б. Историко-сопоставительный анализ глагольной лексики в монгольском и маньчжурском языках. Улан-Батор: Изд-во «Соембо принтинг», 2009. 168 с.

ON FUNCTIONING OF THE MONGOLIAN LOAN-WORDS IN THE LANGUAGE OF THE KALAR EVENKS

Struchkov Kirill Namsaraevich, Ph. D. in Philology
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*
kstruchkov@mail.ru

The article examines the processes of adaptation of the Mongolian lexical loan-words in the Kalar dialect of the Evenki language, borrowed as a result of historical contacts of the Evenks with Mongolian-speaking peoples, their semantic assimilation and conceptualization. Special attention is paid to a lexical and semantic group, connected with hunting, into which the smallest number of mongolisms entered. In some cases semantics of the loan-words has changed. The analysis in the paper is conducted in a socio-linguistic aspect.

Key words and phrases: the Evenki language; dialect; vocabulary; lexical and semantic group; hunting vocabulary; Mongolian loan-words.

УДК 811.531

В статье рассматривается вопрос о категории наклонения в корейском языке с позиции функциональной грамматики. Функционально-семантическая категория наклонения обладает универсальным смысловым содержанием, функциональной предназначенностью, прагматической направленностью, системным комплексом специализированных языковых средств выражения. Автор обосновывает положение о том, что наклонение следует изучать как функционально-семантическую категорию в рамках функционально-семантического поля модальности.

Ключевые слова и фразы: модальность; наклонение; функционально-семантическая категория; функционально-семантическое поле; агглютинативные языки; корейский язык.

Трофименко Оксана Анатольевна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет
toa-06@yandex.ru

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ НАКЛОНЕНИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (НА ПРИМЕРЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

Содержание категории наклонения в современной лингвистике трактуется неоднозначно. Разные лингвисты подразумевают под наклонением широкий круг явлений, далеко не однозначных как в смысловом отношении, так и в средствах выражения. Традиционное определение наклонения как «грамматической категории в системе глагола, определяющей модальность действия, т.е. обозначающей отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим» [1, с. 472], носит довольно расплывчатый и неопределенный характер.

В настоящее время исследование категории наклонения в рамках функциональной грамматики видится весьма актуальным.

Традиционно принято считать, что категория наклонения тесно связана с категорией модальности, является ее разновидностью – субъективной модальностью, или «грамматизированной модальностью». Главным в значении наклонения принято считать наличие субъективного отношения говорящего к действительности, его субъективное понимание ситуации. При этом в оппозиции рассматриваются прямое и косвенные наклонения.

Однако грамматические значения наклонений гораздо шире, чем «просто оппозиция между реальностью (индикативом) и ирреальностью (косвенными наклонениями), традиционное определение наклонений неприменимо в тех случаях, когда у косвенного наклонения преобладают функции, не связанные с представлением действия в качестве реального или нереального, т.е. не отражающие позиции говорящего относительно связи действия с действительностью» [7, с. 46-47]. Кроме того, «подсистемы модальных значений, выделяемые по разноаспектным признакам, могут частично пересекаться, и одно значение даже может относиться одновременно к нескольким категориям» [9, с. 60].

Таким образом, категорию наклонения можно по праву считать самой сложной и неоднозначно трактуемой, т.к. различия между типами наклонения, наклонением и модальностью не всегда четко прослеживаются.